

УДК 005.935.3 (476)

ИСТОРИЯ МИНСКОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА ОРГАНИСТОВ (1871–1897 гг.)

канд. ист. наук, доц. А.И. ГАНЧАР
(Гродненский государственный аграрный университет)

Рассматривается история минского римско-католического училища органистов, существовавшего в Минской губернии в 1871–1897 гг., опыт деятельности которого весьма полезен при решении вопроса о подготовке национальных кадров священно- и церковнослужителей. Отмечается, что с самого начала это был проект светской власти по подготовке римско-католических органистов в помощь ксендзам в проведении богослужения на русском языке. Не будучи поддержанным со стороны Римско-католической церкви, деятельность училища была обречена на неудачу.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Российская империя, Беларусь, Ф. Сенчиковский, училище, органист, русский язык, богослужение.

Введение. В исторической литературе по проблеме функционирования римско-католического училища органистов в г. Минске содержатся лишь некоторые фрагментарные сведения, повествующие об открытии и закрытии училища. Пожалуй, это объясняется сложностью оценки деятельности как самих воспитанников учреждения, так и его непосредственного организатора и руководителя Фердинанда Евстафьевича Сенчиковского (рис. 1).

Рисунок 1. – Фердинанд Евстафьевич Сенчиковский

Еще «Литовские епархиальные ведомости» отмечали непоследовательность действий правительства Российской империи по отношению к училищу римско-католических органистов [1, с. 6]. Генерал в отставке А.В. Жиркевич училище органистов называл последней надеждой на «располячивание» костела в Беларуси [2, с. 504–505]. Одобрение действий Ф. Сенчиковского находим у Д.К. Чихачева, В.Н. Линкевича [3, с. 26; 4, с. 14]. Белорусский ученый А.Ф. Смоленчук утверждает, что настоящим побуждающим мотивом деятельности Ф. Сенчиковского следует считать его старание по «слиянию русских по народности и по унии белорусов с православием и Россией» [5, с. 68; 6, с. 55]. На бессилие ксендза перед эффективными пропагандистскими приемами его многочисленных противников указывал А.Ю. Бендин [7, с. 99]. М.Д. Долбилов отметил, что администрация Российской империи была заинтересована в сотрудничестве с молодым ксендзом Ф. Сенчиковским [8, с. 635]. Польские авторы негативно характеризуют деятельность училища органистов [9–13]. М. Радван и вовсе указал, что обязанностью основателя училища Ф. Сенчиковского была русификация белорусского душепасторства [13, с. 219].

Целью данной статьи является раскрытие различных аспектов деятельности Минского римско-католического училища органистов, а также выявление роли и значения в этом процессе основателя училища Ф. Сенчиковского, путем сравнения и анализа ранее не известных фактов, имевших место в истории Беларуси в последней трети XIX в.

Основная часть. В 1871 г., когда вслед за предпринятым Министерством внутренних дел (далее МВД) Российской империи введением дополнительного богослужения на русском языке в римско-католических церквях Минской губернии, встретилось затруднение в приискании органистов, которые могли бы петь на русском языке, в г. Минске при костеле св. Троицы было открыто римско-католическое училище органистов [1, с. 5]. Всего же на училище органистов за весь период его существования было выделено 106 785 рублей, в то время как на услуги «требниковцев», т.е. тем представителям Римско-католической церкви, кто использовал русский язык в римско-католическом богослужении, за период 1871–1898 гг. было израсходовано 241 785 рублей (доплаты ксендзам составляли до 600 рублей в год, а органистам – 180 рублей в год) [13, с. 229].

Открытие училища органистов было удачным ходом: органист мог стать помощником в деле продвижения русского языка в богослужении, к тому же он не мог не иметь влияния на паству. В училище по специальной программе, рассчитанной на 5 лет обучения, ученики занимались на фортепиано, скрипке, изучали теорию музыки, а также общеобразовательные предметы (русский язык, латынь и т.д.), был создан даже оркестр духовой музыки [14]. Но мало было обучить органистов, следовало их еще и вдохновить соответствующей идеей. Естественно, что управление учебным учреждением было отдано само-

му активному деятелю по введению русского языка в римско-католическое богослужение – ксендзу Ф. Сенчиковскому. Клятвенное обещание органистов, которое они давали по окончании Минского училища, было составлено лично Ф. Сенчиковским. Кроме того, по окончании училища органисты давали расписку, в которой обязывались, согласно училищному Уставу, все духовные требы исполнять на русском языке [15, л. 2].

Клятвенное обещание органистов, окончивших Минское училище

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилоостивейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Великому князю Александру Александровичу верно и не лицемерно служить и во всем повиноваться, не изводя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству принадлежащие права и обязанности и впредь законные по крайнему разумению, сил и возможности предостерегать и оборонять. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не только благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать. Всякую же вверенную тайну крепко хранить буду и поверенный и положенный на мне чин надлежащим образом исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благоприятно есть и надлежит.

В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь [15, л. 6].

5 июня 1876 г. за № 445 каноник виленского капитула, минско-игуменский и наднеманский декан Ф. Сенчиковский обратился к минскому губернатору с ходатайством о расширении штата учеников, с желанием расширить помещение училища за счет своей комнаты, примыкавшей к помещениям учебного заведения. Размещение училища в плебаниальном доме на Троицкой Горе затруднялось тем, что оно занимало комнату викарного, должность которого являлась вакантной, из-за недостатка ксендзов, служивших на русском языке, а также расстоянием в 2 версты, которое, по словам Ф. Сенчиковского, должны были ежедневно по несколько раз в непогоду и мороз проходить мальчики-сироты с целью практических занятий по богослужению и совершению треб, что часто вызывало у них болезни и простуды.

2 июля 1876 г., по докладу Министра внутренних дел, император всемилостивейше соизволил на отпуск, в распоряжение минского губернатора, по 600 руб. в год на содержание в Минском училище органистов 5 воспитанников, сверх наличного числа. Вместе с тем последовало высочайшее соизволение о ежегодном отпуске 120 руб. на каждого вновь определяемого воспитанника в случае необходимости дальнейшего расширения училища. Император повелел приобрести или построить здание для училища, имея в виду помещение в нем до 30 человек. Ф. Сенчиковский настаивал, чтобы само здание имело не только служебные помещения, но и комнаты для проживания настоятеля, викарного, собственно мальчиков-сирот, изъявивших желание к обучению, и учителя. Ф. Сенчиковский рекомендовал продать с публичных торгов старый плебаниальный дом с сараем на Троицкой Горе, в котором проживал и сам, а деньги отдать на пополнение суммы, предназначавшейся на новое здание. 16 июля 1876 г. за № 602 Ф. Сенчиковский представил управляющему Виленской р.-к. епархией П. Жилинскому план, смету и проект на постройку означенного дома. К октябрю 1876 г. Римско-католическая духовная коллегия (далее РКДК) определила нужную сумму в 11 807 руб. 70 коп., с зачетом продажи старого плебаниального дома, оцененного в 5 000 руб. 9 февраля 1877 г. план на постройку домашней школы органистов в г. Минске был утвержден МВД, но на сумму в 21 953 руб. 70 коп. [16, л. 5, 8, 12–15, 47–47 об., 109].

13 июля 1876 г. 5 мальчиков уже были приняты на обучение в училище. Но заявленных 120 руб. на ученика явно не хватало, и Ф. Сенчиковский стал ходатайствовать о выделении 200 руб. на человека с целью приобретения полушубков, железных кроватей с матрацами, подушками, одеялами, бельем, покупку скамеек, табуреток, шкафа для одежды, кухонной и столовой посуды. При открытии же училища в 1872 г. на 10 мальчиков было отпущено на вышеозначенные цели 1 000 руб. 19 августа 1876 г. управляющий МВД разрешил отпустить из суммы 72 673 руб. 50 коп., значащейся по ст. 4 § 13 сметы МВД 1876 г., указанную сумму на первоначальное обустройство для учеников, вновь принятых в школу органистов в г. Минске, т. е. по 200 руб. на 1 ученика [16, л. 18–18 об., 21–21 об.].

С увеличением числа воспитанников в училище органистов явилась необходимость во втором роле: при постоянном механическом упражнении младшей группы вновь поступивших мальчиков, старшему отделению приходилось заниматься лишь 1–2 часа в неделю, что отрицательно сказывалось на их успеваемости по музыке. Вследствие чего Ф. Сенчиковский 4 октября 1876 г. просил минского губерна-

тора об отпуске 250 руб. на покупку нового музыкального инструмента, для упражнения в музыке старшего отделения училища органистов, так как купленный 5 лет назад рояль стоимостью 275 руб., по причине непрерывного упражнения на нем 10 мальчиков, уже не мог быть полезным: каждому мальчику требовалось одночасовое ежедневное упражнение игры на рояле. Первоначальное же обучение грамоте большая часть учеников школы органистов проходила во 2-м двухклассном минском народном училище, остальная часть – в 1-м, из-за достижения предела крайнего числа обучающихся в 60 человек. 28 октября 1876 г. МВД разрешило к выдаче просимую сумму [16, л. 35–35 об, 77–77 об., 82].

15 июля 1877 г. МВД уведомило минского губернатора, что все дополнительные расходы на содержание Минского училища органистов не могут больше быть покрываемы из сумм, постоянно отпускаемых правительством на эти нужды, без предварительного разрешения МВД. В 1878 г. по смете МВД в Минском губернском казначействе был открыт кредит в 1 200 руб. на содержание только 10 воспитанников Минской школы органистов, между тем как в 1877 г. в училище находилось уже 15 воспитанников и в начале 1878 г. число их увеличилось до 20. 9 февраля 1878 г. МВД одобрило выделение еще 600 руб. на вновь принятых 5-х воспитанников. Смета на содержание училища на 1879 г. уже составляла сумму 2 960 руб.: 810 руб. обслуживающему персоналу и 2 150 руб. на содержание учеников. Из-за постоянно расширяющегося контингента учащихся – согласно уставу школы органистов, на каждого воспитанника ассигновалось в распоряжение минского губернатора по 120 руб. в год, а прием новых воспитанников зависел от усмотрения губернатора – 3 сентября 1877 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ) заверил губернатора, что все его решения о принятии нового воспитанника в финансовом плане будут поддержаны МВД из расчета по 120 руб. в год на ученика и на первоначальное обзаведение по 40 руб. на каждого [16, л. 18–18 об., 200 об., 317–317 об., 329–329 об., 335].

Некоторые жители г. Минска с неодобрением воспринимали известие об увеличении контингента учащихся в школе органистов. Подобное отношение не могло не отразиться и на поведении учеников. 7 октября 1876 г. Ф. Сенчиковский уведомил минского губернатора, что воспитанник училища Иосиф Вишневецкий самовольно и без всякого повода оставил училище. Не прошло и 10 дней как отец мальчика 6 октября 1876 г. привел его обратно, со слезами умоляя о принятии в училище. Причем отец, со слов декана Ф. Сенчиковского, прямо заявил, что его жена и мать мальчика, наслушавшись дурных толков в городе (в деле нет свидетельств, о каких именно толках идет речь – А.Г.), подстрекала сына оставить училище. Здесь трудно судить о намерениях отца, вероятнее всего, просто желавшего обеспечить достойное существование сына в дальнейшем, но что 1 из 5 вновь набранных детей оказался не сиротой, на что в своих ходатайствах ссылаясь Ф. Сенчиковский, – это факт. Ф. Сенчиковский был также уличен начальником минской женской гимназии в нецелевом расходовании 200 руб., выделенных МВД на каждого ученика, о чем 8 ноября 1876 г. был предупрежден минский губернатор: указанная одежда и учебные принадлежности не были приобретены, а Ф. Сенчиковский сослался на возникшие непредвиденные обстоятельства при закупке принадлежностей – появление внезапной возможности в скором времени приобретения добротной зимней одежды по дешевой цене у одного еврея в г. Варшаве. К 30 декабря 1876 г. необходимые закупки все же были сделаны [16, л. 38–38 об., 63–64 об., 66, 87–87 об.].

О финансовой поддержке училища свидетельствует и следующий факт. Настоятель Речицкого костела Минской губернии в 1895 г. просил разрешения на ремонт костела. Хотя строительное отделение Минского губернского правления признало, что храм после частичного уничтожения его пожаром еще в 1862 г. (вплоть до 1902 г. богослужения проводились в частном доме) требовал безотлагательного ремонта – ходатайство было отклонено [17, л. 21]. Но на ремонт римско-католического училища в г. Минске, готовившего органистов для римско-католических приходов, в которых «дополнительное» богослужение велось на русском языке, разрешение было получено за неделю [18, л. 1].

Безуспешны оказались попытки митрополита всех римско-католических церквей в Российской империи А. Гинтовта отстоять право священника на принятие или увольнение органиста – лица, не отнесенного к числу римско-католического духовенства. Органист В. Свищевский, назначенный в 1879 г. в помощь настоятелю Глусского костела ксендзу Гедройцу, человеку престарелому, настолько дурно зарекомендовал себя, что Гедройць объявил Минскому губернатору, что если Свищевский будет оставлен на должности, то он будет ходатайствовать о причислении его, Гедройца, к инвалидам, ибо службу со Свищевским выносить не мог. Неблаговидные поступки органиста, помимо совершенно небрежного исполнения своих прямых обязанностей, состояли в распитии спиртных напитков, в непомерных требованиях с прихожан и в желании выставить себя человеком, который может своим словом или доносом вредно повлиять на участь настоятеля (о ксендзах и органистах Минской губернии, ведших «дополнительное» богослужение на русском языке по состоянию на 1887 г. см. ниже). [2, с. 536; 19, л. 221–222].

Таблица 1 – Принятие русского языка в некоторых костелах 2-го визитаторства Минской губернии (по состоянию на 1876 г.)

Название уезда и костела	Язык совершения дополнительного богослужения	Имена и фамилия органиста, со скольких лет в приходе и в должности
Мозырский уезд Мозырский костел	русский	органист крестьянин Людвиг Кулеша, в приходе с малолетства, в должности с 1875 г.
Петриковский костел	русский	настоятель не имеется и нет органиста
Копаткевичский костел	русский	то же
Давид-Городокский костел	польский	органист мещанин Фома Барановский, в приходе и в должности с 1868 г.
Речицкий уезд Речицкий костел	польский	настоятель не имеется и нет органиста
Слуцкий уезд Слуцкий костел	русский	органист крестьянин Казимир Шалик, в приходе с малолетства, в должности с 1856 г.
Несвижский костел	русский	органист крестьянин Иван Гладкий, в приходе и в должности с 1875 г.
Копыльский костел	русский	органист: дворянин Адам Карповский, в приходе с малолетства, в должности с 1874 г.

Источник: [20, л. 56–70; 21, л. 20].

За неприятие предложенного гражданскими властями органиста, обученного к употреблению русского языка, в апреле 1884 г. настоятеля Холопеничского прихода Лазаревича сослали в г. Вологду, а сам Холопеничский приход вплоть до 1896 г. оставался без постоянного ксендза [14, с. 63, 65]. Соблюдая верность клятве, органисты отказывали в сопровождении пения в костеле на польском языке звуками органа, что не могло не вызывать недовольства паствы и ксендзов, роптавших на предусмотренный светскими законами Российской империи порядок. 27 мая 1893 г. во время богослужения в Копыльском костеле Слуцкого уезда Минской губернии по случаю праздника Божьего тела настоятель ксендз Герочинский во время крестного хода внутри костела пел гимны на польском языке: «Idzie, idzie Bóg prawdziwy», и «Bogu część i chwala» (раньше он был активным сторонником использования русского языка в р.-к. богослужении). Этому вторил и племянник ксендза В. Герочинский. Органист же Станислав Чайковский, услышав это, оставил играть на органе и участия в пении не принимал. После личной беседы с Минским губернатором ксендз Герочинский на некоторое время перестал использовать польский язык [19, л. 1].

Следует отметить существовавший в то время особый порядок управления костельными структурами в Минской губернии: управляющий Виленской римско-католической епархией (далее ВРКЕ) П. Жилинский, в юрисдикции которого находились тогда Виленская, Гродненская и Минская губернии, приостанавливая функции деканов, назначил в июле 1876 г. в Минскую губернию двух визитаторов – кс. Ф. Сенчиковского и кс. Ивана (Яна) Юргевича. В первое визитаторство входили следующие уезды: Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский. Во второе – Речицкий, Мозырский, Пинский, Слуцкий и Новогрудский уезды. Согласно инструкции визитаторам костелов Минской губернии (§ 3) визитатор должен был обращать при своем объезде особое внимание на органистов, которые определены к костелам из Минского училища органистов, при чем, в случае справедливых жалоб их на притеснения, оказывать им надлежащее удовлетворение и покровительство. Согласно § 8 именно визитатор разрешал споры и недоразумения, возникавшие между настоятелями, их викарными или органистами [22, л. 2–3].

К концу 1878 г. русскоязычное богослужение не было закреплено ни в одном новом костеле. Как и в 1876 г., этот список насчитывал 21 костел. Мало того, в четырех из них, из-за устроенной Ф. Сенчиковским и И. Юргевичем кадровой чехарды, не имелось настоятелей, т.е. ни служба, ни требы не совершались вовсе. Оба визитатора не смогли представить директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Мосолову удовлетворительных объяснений относительно некоторых священников, которых они «выжили из губернии или переместили на другие приходы», включая тех, кто служил на русском языке [8, с. 694].

Правительство же долгое время придерживалось мнения, если ксендз пропел по-русски, то в этой местности должен был служить тот ксендз, который обязуется делать то же самое. На каждую номинацию священника на такую должность он должен был принести присягу епископу и дать расписку минскому губернатору о продолжении деятельности на русском языке. Очевидно, что ксендзы не соглашались на подобное – костелы оставались без настоятелей и, соответственно, органиста нельзя было назначить к такому костелу [23, с. 133]. Вакантными являлись следующие приходы: Койдановский с 1887 г.,

Каменьский с 1884 г., Сверженский с 1882 г., Березинский с 1873 г., Холопеничский с 1884 г., Лагойский с 1885 г., Зембинский с 1880 г., Дядиловичский с 1882 г., Блоньский с 1882 г., Серафинский с 1880 г., Глуцкий с 1881 г., Харомчицкий с 1878 г., Свислочский с 1875 г., Петриковский с 1878 г., Давид-Городокский с 1883 г., Тимковичский с 1886 г., Старчицкий с 1874 г. [23, с. 198].

Таблица 2 – Список римско-католических священников и органистов, которые вели дополнительное богослужение на русском языке (1887 г.)

Название костела/каплицы	Имя и фамилия органиста	Размер получаемого содержания, руб.	Размер добавочного содержания, руб.
Минский св. Троицкий	Иосиф Окулич Михаил Кадельский	275	180
Березинский	Иван Юдицкий Владислав Невечровский	то же	то же
Хоромецкий	Александр Шило	«»	«»
Глуцкий	Иосиф Туниповский	«»	«»
Блонский	Франц Рохынпо	«»	«»
Борисовски	Валентин Серпович	«»	«»
Докшицкий	Антон Мацкевич	«»	«»
Лагойский	Иван Невяровский	«»	«»
Давид-Городокский	Фома Барановский		
Кейдановский	Владислав Богданкевич	«»	«»
Игуменский	Ксаверий Невядовский	«»	«»
Узденский	Векентий Цимович	«»	«»
Зембинский	Александр Головня	«»	«»
Околовский	Илья-Александр Рымша	«»	«»
каплица Минского благотворительного общества	Иосиф Крышполович	«»	«»

Источник: [19, л. 221–222].

Верующие обычно игнорировали костелы, в которых звучало русскоязычное богослужение или органист пел по-русски. Польский публицист и ученый М. Ванькович вспоминал, как избегали католики его родных мест (поместья Колюжицы под Борисовом) проводившего римско-католическое богослужение на русском языке ксендза Войчинского: в 1891 г. умершую бабушку М. Ваньковича похоронили без ксендза, а когда в следующем году умер отец М. Ваньковича, то ксендза позвали, но гроб несли далеко от него, чтобы не слышать русскоязычных песней [24, с. 75].

Е.Ф. Сенчиковский лишился покровительства минских властей при временно управлявшем в 1878 г. губернией (в качестве вице-губернатора) И.П. Альбединском – сыне Виленского генерал-губернатора П.П. Альбединского [8, с. 678]. Осенью 1878 г., по поручению бывшего министра внутренних дел, директор ДДДИИ А.Н. Мосолов был командирован в Минскую губернию для разбора разных дел Ф. Сенчиковского и местных р.-к. священников. Подробно осмотрев училище и собрав о нем надлежащие сведения, А.Н. Мосолов пришел к убеждению, что многие из ходивших о безнравственности Ф. Сенчиковского слухов заслуживали внимания, вследствие чего тогда же он просил начальника губернии и попечителя училища принять некоторые особенные меры наблюдения. Когда в училище обнаружили побег учеников и признаки неповиновения, вполне подтверждавшие вышеуказанные сомнения, Ф. Сенчиковский, по распоряжению Л.С. Макова, был отстранен от училища и лишен звания визитатора [25, л. 72–73].

А Ф. Сенчиковского, по распоряжению МВД и по предложению П. Жилинского, после отказа самого Ф. Сенчиковского от Слуцкого прихода, предвидя крайне негативное отношение к нему местного населения, 31 января 1879 г. перевели настоятелем в Бобруйский приход без возобновления визитаторских полномочий [2, с. 523]. В формулярном списке Ф. Сенчиковского было отмечено: в 1879 г. вследствие ходатайства по расстроенному здоровью с разрешения управляющего Министерством внутренних дел от 24 января за № 12 освобожден от должности заведующего училищем органистов в г. Минске и 30 января за № 164 назначен Слуцким деканом; затем, по ходатайству Ф. Сенчиковского, управляющим епархией от 12 марта за № 339 вследствие отзыва Министра внутренних дел от 6 марта за № 32 назначен на должность Бобруйского декана и настоятеля [26, с. 454].

После отстранения Ф. Сенчиковского временно руководство училищем перешло в руки И. Макаревича [18, л. 2]. Несколько позже минский губернатор В.И. Чарыков своим отзывом от 3 февраля 1879 г. вместо Ф. Сенчиковского заведующим училищем органистов и деканом по г. Минску, одновременно и настоятелем св. Троицкого прихода одобрил назначение ксендза Павла Гавронского, ранее бывшего викарием Мариинского костела и законоучителем Минской гимназии [11, с. 522]. Интересен тот факт, что П. Гавронский в конце 1876 г. сменил Ф. Сенчиковского на должности законоучителя Минской гимназии по решению попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского, питавшего, как и Виленский генерал-губернатор П.П. Альбединский, антипатию к ксендзу Ф. Сенчиковскому – по официальной причине частых пропусков занятий Ф. Сенчиковским вследствие разъездов. В январе 1877 г. Ф. Сенчиковский сделал выговор ксендзу П. Гавронскому за не освобождение детей в день празднования Непорочного Зачатия Девы Марии от занятий. Хотя ни один из нормативных документов Министерства народного просвещения не освобождал учеников от занятий в дни праздника Непорочного Зачатия, да и других главных римско-католических празднеств [8, с. 677–678].

Из производившейся в 1879 г. переписки между начальником III Отделения его императорского величества канцелярии и МВД видно, что Министр внутренних дел, по причинам нравственного свойства, признавал необходимым удалить Ф. Сенчиковского от заведывания кафедральным костелом в г. Минске. Начальник Минского губернского жандармского управления полковник фон Мерклин в мае 1879 г. представил в III Отделение поступившее на его имя прошение в устной форме дворянина Витольда Свищевского (по профессии органиста) с жалобой на кс. Ф. Сенчиковского в совершении мужеложства, что он всякий раз приказывал мальчикам подчиненной ему школы органистов иметь сношение с некой вдовой Качинской, находившейся у него в качестве швеи, или с 18-ти летней кухаркой, причем он всегда сам присутствовал. Вследствие этого, по заверению В. Свищевского, некоторые мальчики заболели сыпным сифилисом, как, например, Вишневецкий, которого обследовал врач Шпаковский, а также Густовский, Курноза и др. В. Свищевский заверил, что Ф. Сенчиковский продолжает заниматься мужеложством и с теми, которые окончив школу органистов, получили штатные должности, как это было с ним, В. Свищевским, в декабре 1878 г., и что по поводу общей бледности и болезненности воспитанников школы органистов приезжал к ним кто-то для проверки.

13 июня 1879 г. директор ДДДИИ А.Н. Мосолов представил министру внутренних дел доклад "По жалобе на р.-к. священника Сенчиковского, настоятеля Бобруйской церкви". Будучи в г. Минске, ему удалось собрать некоторые сведения по данному делу. А.Н. Мосолов напомнил министру внутренних дел Л.С. Макову, что разорвавший всякие связи с поляками Ф. Сенчиковский заявил себя русским католиком и благодаря его в этом деле энергии за ним последовало одновременно несколько десятков р.-к. священников, начавших служить и отправлять требы по-русски, не взирая на упорное противодействие влиятельнейшей части польского общества. Ф. Сенчиковский организовал целый персонал священников, перевел на русский язык несколько богослужебных книг и, наконец, устроил, путем содействия правительства, училище р.-к. органистов, из которого предполагалось выпускать закаленных в русских чувствах молодых людей, которые могут стать опорой священникам и посредниками между ними и сельским населением.

Такой усердной деятельностью Ф. Сенчиковский в сравнительно короткое время заслужил несколько высочайших наград и доверие со стороны правительственных властей. Вместе с тем к нему возростала и ненависть местных поляков. Но Ф. Сенчиковский потерял самообладание, и тайные его пороки стали постепенно обрисовываться. Его властолюбие разогнало многих священников, прежде усердствовавших и позднее перешедших во враждебный лагерь. Страсть к роскоши и мишурному блеску заставляла его вступать с остальными в неблагоприятные денежные сделки, но всего прискорбнее личные его свойства отразились на основанном им училище.

Слухи о безнравственной жизни Ф. Сенчиковского и о его отношениях с воспитанниками училища распространялись в течение многих лет, но так как на Ф. Сенчиковского сочинялось много невероятных и действительно никогда не бывших слухов, то местное светское начальство ограничивалось лишь более тщательным наблюдением за состоянием училища и жизнью учеников. С назначением более года назад попечителем училища органистов действительного статского советника Павлова, им были обнаружены и постепенно устранены с большим трудом многие беспорядки. Впоследствии, только с устранением Ф. Сенчиковского, выяснилось, что он употреблял вообще дикие педагогические приемы и, опасаясь упреков за развитие в учениках замеченного начальством онанизма, придумал поощрять сношения старших учеников с находившимися в его услужении женщинами. Отчего, впрочем, по удостоверению врача, никаких непосредственно вредных для их здоровья последствий не произошло.

В течение полугодия, прошедшего с того времени, как был устранен от руководства Ф. Сенчиковский, училище органистов, благодаря усилиям заведовавших им лиц, по заверению А.Н. Мосолова, было приведено в порядок, и в нем установилась надлежащая дисциплина. Разбежавшиеся ранее от само-

управства Ф. Сенчиковского надзиратели и ученики старались своим поведением и усердием скорее заглаживать все прошлое. О Ф. Сенчиковском прекратились всякие грязные рассказы. Лишенный всякого влияния, он почти был забыт и жил в г. Бобруйске жалуясь на плохое здоровье.

При таком положении дел бывший органист В. Свищевский, удаленный за гнусные проступки и ложные доносы из двух приходов и тщетно домогавшийся от минского губернатора получить причитающееся ему жалованье, и подал начальнику минского губернского жандармского управления жалобу на безнравственные с ним и с другими бывшими учениками школы органистов поступки Ф. Сенчиковского, прося подвергнуть его за это законной ответственности. В виду вышеизложенного, в данной жалобе В. Свищевского оказались новыми для А.Н. Мосолова лишь некоторые грязные подробности врагов [25, л. 93–95 об].

2 февраля 1872 г. в г. Минске проходила огромная процессия. Народ обратился с просьбой к минскому губернатору В.Н. Токареву с просьбой запретить Ф. Сенчиковскому его деятельность. Католики осудили Ф. Сенчиковского в насиловании девушек и женщин, в оргиях со своими органистами, в краже костельных ценностей [23, с. 133]. Воспользовавшись возможностью, собравшиеся избрали 4 человек, чтобы просить минского губернатора В.Н. Токарева запретить въезд декану. Но губернатор не поверил посланникам, сослав их во внутренние губернии России, а остальных активных борцов оштрафовал от 50 до 100 рублей [27, с. 101].

Местное начальство – губернатор, жандармский штаб-офицер и попечитель училища – были убеждены, что Ф. Сенчиковский действительно страдал пороком, который ему приписывался и что он был способен злоупотреблять своим положением и испорченностью некоторых своих воспитанников, преимущественно старших возрастов. В ДДДИИ имелось на это косвенное указание в одном из прошений к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий Ф. Сенчиковского, в котором он, по оставлении г. Минска, просил о назначении к нему органистом самого главного любимца. В этом прошении сквозили такие страстные чувства, в значении которых трудно было сомневаться.

Вместе с тем оказалось следующее: В. Свищевский не ребенок, а человек вполне испорченной нравственности; молодые люди, на которых он ссылался, вели себя исправно и никаких претензий к Ф. Сенчиковскому за прежнее время не имели; приписываемых им болезней у них не было; воспитанники училища, а тем более выпущенные из него органисты всегда имели полную возможность пожаловаться своевременно начальству, не опасаясь преследований Ф. Сенчиковского; сама подача жалобы В. Свищевского объяснялась не столько чьим-либо подговором, сколько намерением обратиться на себя внимание и добиться посредством этого значительных для него денег (около 100 руб.) и получить какое-нибудь место, как это удалось двум подобным органистам; преследование Ф. Сенчиковского, по глубокому убеждению А.Н. Мосолова, как это всегда бывало в подобных случаях, за недостатком улики и свидетелей, не привело бы ни к какому практическому результату. Кроме того, о мерах, которые могли бы быть приняты относительно Ф. Сенчиковского в административном порядке, А.Н. Мосолов имел подробные объяснения с минским губернатором и с начальником жандармского управления, и оба они находили, что заключение в монастырь, как это практиковалось, при данных обстоятельствах было бы несвоевременно, так как привлекло бы внимание к уже забытому скандалу и отдало бы Ф. Сенчиковского в руки его заклятых политических врагов [25, 96-99 об].

Жалоба же В. Свищевского не получила никакой огласки. Ф. Сенчиковский даже не подозревал о ее существовании, а потому принятие против него после постигнутого наказания новой более сильной меры за такие проступки, о которых в прежнее время много было толков, по мнению А.Н. Мосолова, могло бы показаться сейчас ничем не вызванной строгостью: "Это послужило бы только торжеством для местных поляков, очень снисходительных к безнравственной жизни других ксендзов, отличающихся преданностью полонизму" [25, л. 72-73, 93–100]. Что же касалось поступка В. Свищевского, прибегнувшего к такому позорному средству для поправления своего положения, то губернатор и полковник Мерклин полагали удалить его от вредного влияния на своих прежних сотоварищей, временно запретив ему пребывание в Минской губернии. Со своей стороны, А.Н. Мосолов просил минского губернатора отдать испрашиваемые им деньги и об увольнении в отпуск для лечения минеральными водами, если он возобновит об этом ходатайство. Возвращая 23 июня 1879 г. доклад директора ДДДИИ министру внутренних дел, начальник III Отделения, вполне разделяя мнение А.Н. Мосолова о Ф. Сенчиковском, отметил, что в виду такого снисхождения к нему, несправедливо было бы строго относиться и к В. Свищевскому, оставив также его дело без последствий [25, л. 101-102 об.].

25 мая 1881 г. управляющий ВРКЕ прелат П. Жилинский в назидание, не лишеного иронии, поручил Бобруйскому декану Ф. Сенчиковскому обратить особенное внимание р.-к. духовенства по введенному ему деканату наставлять своих прихожан при всяком случае, в костеле и на дому, строго соблюдать правила и учения Церкви любить Бога и ближнего, путем смиренного христианского учения и назидания направлять слабоверующих или искаженных злыми примерами к честному исполнению свое-

го долга – доброй нравственности в домашнем семейном быту и общежитии со всеми близкими, не смотря на сословие или религиозное различие в мире и спокойствии, при строгом соблюдении прав собственности и благочиния всех и всякого, с должной преданностью и повиновением законным властям, как достойно примерным и добрым христианам, на общую свою пользу, своих сограждан и отечества [25, л. 193].

С 1897 г. заметно усилилось давление руководства Римско-католической церкви в Российской империи на органистов и ксендзов, служивших на русском языке [28, л. 223]. Подготовленные в Минском училище органисты зачастую не оправдывали возложенных на них правительством надежд, не пользовались поддержкой населения, да и благовидностью своих поступков не отличались.

Директор ДДДИИ А. Мосолов 8 марта 1897 г. за № 846 уведомил минского губернатора, что, по докладу ДДДИИ, Министр внутренних дел приказал: Минское училище органистов, с окончанием текущего учебного года, т. е. к 1 июня, упразднить, с предоставлением минскому губернатору права расходовать из ассигнований по смете МВД на содержание означенного училища суммы в 2 000 руб., сколько за время по 1 июня на содержание училища действительно потребуется; 1 июня уволить всех учеников из училища, передав в их распоряжение находившиеся в их пользовании, в бытность в училище, платье, белье, обувь и постели; представить МВД о выдаче, в свое время, из остаточных сумм по двухмесячному окладу, в единовременное пособие, всем служившим в училище при его упразднении; архив училища передать в губернское правление; здание училища со всем остальным имуществом передать в ведение Золотогорской р.-к. приходской церкви [29, л. 1–1 об.].

7 июня 1897 г. за № 4 попечитель Минского училища органистов коллежский секретарь П. Иванов доложил минскому губернатору, что все указания МВД по поводу закрытия Минского училища р.-к. органистов были исполнены. Принадлежавший училищу дом с деревянным сараем с дровами и ветхим ледником, а также находившиеся в доме 2 рояля, 4 портрета императоров (Николая I, Александра II, Александра III и Николая II) и бывшего Министра внутренних дел графа Толстого, два шкафа, медный самовар, медная кастрюля и 1 висючая лампа, а также 10 саженой сосновых дров поступили в ведение Золотогорского костела. Заведующему хозяйством училища А. Буракову, учителю музыки и пения Банцлебану выдали по 25 руб. пособия, а сторожу училища Ф. Колонтаю – 8 руб. [29, л. 4–5].

В 1897 г., находясь в г. Омске в качестве бессильного, никому ненужного бывшего политического деятеля, Ф. Сенчиковский, не перестававший следить через органиста Володьку и других лиц за тем, что происходит с училищем, узнал, что, по докладу директора ДДДИИ А.Н. Мосолова, оно навсегда закрыто. После закрытия училища органистов стали поступать письма в г. Омск к Ф. Сенчиковскому от бывших органистов, как учеников вызванного им к жизни училища, выброшенных теперь на улицу с семьями, оставшихся без мест. Была прекращена и выдача дополнительных 180 руб. в год. В качестве официальной причины отстранения органистов от должности настоятели костелов указывали совершенное незнание ими польского языка, так как польскому языку их не учили [26, с. 504–505].

В виду замечаемого притеснения духовным начальством органистов и р.-к. священников, служивших на русском языке, директор ДДДИИ А. Мосолов 6 декабря 1897 г. обратился к государю Николаю Николаевичу с просьбой оказывать возможное покровительство таким преследуемым лицам, содействуя получению бывшим органистам должностей, а в нужных случаях оказывать материальную поддержку [30, л. 222–222 об.].

В 1898 г. из употреблявших русский язык в дополнительном римско-католическом богослужении в Минской губернии остался лишь один бобруйский декан ксендз Олехнович, который получал 500 руб. и приложение в 100 руб., а также его органист, который получал 180 руб. Финансовые книги МВД Российской империи за следующие года уже не показывали никаких затрат на эти цели. Хотя в 1897 г. 10 ксендзов в 10 приходах с 24 органистами получили дополнительное жалованье в 6 480 руб. [31, с. 77–78].

19 марта 1912 г. гродненский губернатор В. Борзенко, поднимая вопрос о правилах поведения и назначения органистов, с сожалением отметил факт закрытия школы в 1897 г., поскольку по Уставу этой школы назначение и последующая деятельность органистов подлежали определенному контролю и воздействию административной власти, между тем «как эти невидимые и неизвестные, но всегда деятельные и зачастую более вредные, чем сами их патроны, деятели, вербуются самими ксендзами из совершенно неизвестной среды, не получившей даже соответствующей подготовки и образования» [32, л. 3].

В своем ответе гродненскому губернатору от 24 апреля 1912 г. ДДДИИ укажет, что из числа 32 органистов, выпущенных школой до 1894 г., 8 вскоре по выходе из школы были отстранены от должности органиста, а остальные 24 не могли применить к делу приобретенные ими в школе знания, так как число костелов с богослужением на русском языке не превышало в то время 9-ти. В виду этого МВД, принимая во внимание, что школа не оказала никакой пользы делу русского языка, признало излишним дальнейшее существование школы, которая в 1897 г. и была упразднена [32, л. 3–4]. При настоящем положении дела об употреблении русского языка в дополнительном римско-католическом богослужении,

по мнению ДДДИИ, едва ли представлялось бы целесообразным повторять неудавшийся в г. Минске опыт учреждения новой школы органистов [32, л. 4].

Заключение. История существования Минского римско-католического училища органистов показывает всю сложность решения проблемы подготовки национальных кадров для Римско-католической церкви в Беларуси. В поисках активной поддержки правительственного курса в Российской империи на западных окраинах светская власть закрывала глаза на совершавшиеся многочисленные преступления активных представителей римско-католической духовенства, поддерживавших решения правительства. Безграничная власть, данная Ф. Сенчиковскому, развратила его и погубила предпринятое нововведение в духовной сфере. В конечном итоге это привело к довольно плачевным результатам, лишь увеличив недоверие местных жителей не только римско-католического исповедания, но и православного, видевших всю подноготную в отношениях прислуживавших светской власти представителей римско-католического духовенства и собственно чиновников от законной светской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 35. – С. 5–6.
2. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского : в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3., ч. 2. – 684 с.
3. Чихачев, Д.Н. К вопросу о расположении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
4. Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... дис. канд. ист. Наук : 07.00.02 / В.Н. Линкевич ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
5. Смалянчук, А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 г. / А.Ф. Смалянчук ; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 322 с.
6. Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53–66.
7. Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А.Ю. Бендин. – Минск : БГУ, 2010. – 439 с.
8. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010 г. – 1000 с.
9. Krzemieński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863–1888) / S. Krzemieński. – Lwów : nakl. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.
10. Ostoja, T. Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi / T. Ostoja. – Warszawa, 1916.
11. Czarkowski, L. Wilno w latach 1867–1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.
12. Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin : Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
13. Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza przeszłość. – 2001. – T. 95. – S. 197–240.
14. Шэйпа, С. Адукацыя касцельных музыкантаў на Беларусі у XX ст. [Электронный ресурс] / С. Шэйпа // Наша вера. – 2008. – № 1(43). – Режим доступа: <http://media.catholic.by/nv/n24/search.htm?do=search&author=37>. – Дата доступа: 02.11.2011.
15. Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 5979.
16. Дело о постройке в гор. Минске училища римско-католических органистов (12 июля 1876 г. – 9 марта 1883 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3101. – 337 л.
17. Дело об упразднении костелов, часовень по Минской губ. (27 июня 1905 г. – 10 мая 1915 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7515.
18. Дело об ассигновании средств на добавочное содержание Минской школы римско-католических органистов (4 февраля 1880 г. – 23 января 1881 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3538. – 64 л.
19. Дело о положении русского языка в костелах Минской губернии // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 274. – 274 л.
20. Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3113.
21. Дело о запрещении исполнять службы в костелах на польском языке // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3112.
22. Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 2. Д. 6759.
23. Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djeceza Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – Т. I, cz. 2. – 348 s.
24. Wańckowicz, M. Szczeniące lata / M. Wańckowicz. – Warszawa, 1934. – 346 s.
25. Переписка с минским губернатором, бобруйским деканом и другими лицами о развратном поведении ксендза Ф. Сенчиковского и переводе его в г. Бобруйск Минской губ. (28 мая 1878 г. – 6 июня 1882 г.) // Российский государственный исторический архив. – Ф. 821. Оп. 3. Д. 314. – 241 л.
26. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского : в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3., ч. 1. – 669 с.

27. Ważuński, A. Litwa pod względem przesławania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
28. Дело о положении римско-католического духовенства в губернии // НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1774. – 256 л.
29. Дело об упразднении Минского училища римско-католических органистов (14 февраля – 1 июня 1897 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 6430. – 7 л.
30. Циркуляры Минского губернатора, Виленского военного губернатора, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора о запрещении некоторых религиозных обрядов римско-католическому духовенству (8 июля 1864 г. – 18 июня 1906 г.) // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. – 285 л.
31. Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – № 1. – С. 73–81.
32. Дело о назначении к римско-католическим костелам органистов в Гродненской губернии. Начато 15 октября 1911 г. Окончено 1 марта 1912 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1695 – 47 л.

Поступила 14.03.2017

HISTORY OF THE MINSK ROMAN CATHOLIC SCHOOL OF ORGANISTS (1871–1897)

A. HANCHAR

The history of Minsk Roman Catholic school of organists, existing in the Minsk province in 1871-1897 is considered. Its experience of activity is very useful at the solution of a question of preparation of national shots sacred and clergymen functioned. From the very beginning it was the project of temporal power on training of Roman Catholic organists for the aid to priests in holding a church service in Russian. Without being supported from the Roman Catholic Church, activity of school has been doomed to failure.

Keywords: Roman Catholic Church, Russian Empire, Belarus, 19th century, F. Senchikovsky, school, organist, Russian, church service.